

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ПОД НЕБОМ
АРКТИКИ

Александр Романович Беляев

Под небом Арктики

Аннотация

«— Опять кошка за стеной мяучит, — сказал Игнат Бугаев, быстро проглядывая графики нагрузки электростанции.

Уборщица гурьевской гостиницы для приезжающих не поняла шутки и серьезно ответила:

– Это не кошка. Это ваш сосед Джим Джолли играет на гавайской гитаре.

– Негр?

– Да, негр. Он недавно приехал к нам из Америки. Музыка вам не мешает? Я могу сказать...»

Содержание

1. Черный и белый	4
2. Живая карта	9
3. Дорожное приключение	15
4. Корабль «Тайга»	21
5. Изобретатель рассказывает	26
6. Джим осматривает корабль	33
7. Пленники огня	36
8. «Змей» в болоте	50
9. Лесной экзамен	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Беляев Александр

Под небом Арктики

1. Черный и белый

– Опять кошка за стеной мяучит, – сказал Игнат Бугаев, быстро проглядывая графики нагрузки электростанции.

Уборщица гурьевской гостиницы для приезжающих не поняла шутки и серьезно ответила:

– Это не кошка. Это ваш сосед Джим Джолли играет на гавайской гитаре.

– Негр?

– Да, негр. Он недавно приехал к нам из Америки. Музыка вам не мешает? Я могу сказать...

– Нет, Ашимэ, музыка мне не мешает... – Бугаев задумчиво барабанил толстыми пальцами по графикам, затем быстро встал, вышел в коридор и постучал в соседний номер. Плачущие, мяукающие звуки гитары прекратились.

– Войдите! – послышался певучий тенор.

Посреди комнаты, с опущенной гитарой в левой руке, стоял негр Джим Джолли. Он был высокого роста, здоров и молод. Ворот клетчатой рубашки «апаш» и подвернутые выше локтей рукава открывали темную могучую грудь и мышцы атлета.

– Позвольте познакомиться, товарищ, – сказал по-английски Бугаев. – Я инспектор высоковольтной линии, инженер Игнатий Бугаев.

Глаза негра еще грустили, а толстые губы складывались в радушную улыбку, и уже сверкнули ослепительно-белые зубы. Джим протянул руку, и Бугаев заметил, что ладонь была значительно светлее его темной руки.

– Очень рад познакомиться. Джим Джолли. Рабочий. Эмигрант, – ответил негр.

– Вы не совсем оправдываете свою фамилию, товарищ, – сказал Бугаев. – «Джолли» – веселый, шумный, живой. А ваши глаза и ваша гитара грустят. О чем? О родине? О девушке с цветком на груди?

Они уселись у открытого окна. Джим задумчиво смотрел на море, на далекие дымные пряжи траулеров, на перистые облака, освещенные пурпуром заката. Его темные пальцы уже перебирали по привычке струны гитары. И под аккомпанемент тихой, грустной песенки он начал говорить о себе. Бугаев слушал слова и незнакомый мотив. Странная музыка с ломающимся ритмом пояснила недосказанное. «Эти синкопы, – думал Бугаев, – говорят больше слов. Джим вышел из «старого ритма» и не вошел еще в новый... Одиночество? Да, конечно, и одиночество. Джим похож на растение, перенесенное на чужую почву. Ботаники называют это «интродукцией». «Интродукционные» растения, вероятно, тоже должны переболеть ностальгией – тоской по родине...»

Джим Джолли работал в Северной Америке на консервном заводе в Кэй-Вест, или «Ки-Уэст», как сказал он. Это самая южная часть Флоридского полуострова. Консервный завод «Бэйлдон и сын». Большое было дело. Свыше ста миллионов долларов. Кризис съел. Из года в год сокращалось производство. Джим был хорошим работником, и его держали до конца. А конец был таков: Бэйлдон и сын не только закрыли дело, но и сломали завод – пустопорожний участок, казалось, легче продать. Но его никто не покупал. На развалинах завода образовался «пещерный» поселок безработных. Питались рыбой, которую сами ловили. Донашивали последнее тряпье. А дальше что?

Джим давно мечтал о поездке в СССР, как и многие его товарищи. Но у них всех не хватало средств на дорогу. Пожалуй, не хватало и решимости. А у Джима она была. И вот три друга Джима сложили свои гроши с его небольшими сбережениями и снарядили его в дорогу. Это был аист не только товарищеской солидарности, но и расчета: устроившись в СССР, Джим выслал бы деньги на дорогу одному из «пайщиков», тот по приезде в СССР – следующему, и так – пока все «пайщики» не переберутся на новую родину.

– Вот и вся короткая история длинного пути от Ки-Уэста до Хурьеф, – улыбаясь закончил Джолли.

– Не Хурьеф, а Гурьев, – поправил Бугаев. – И что же вы хотите делать?

– Консервы, – ответил Джим, издавая на гитаре заключи-

тельный аккорд.

– Мне указали этот город. Я не знал СССР. Но у вас здесь другая рыба, другие методы обработки. Надо переучиваться. Мне следовало бы ехать во Владивосток. Крабы – моя специальность. Но это снова длинный путь, а на поездку у меня уже нет средств.

– А другой специальности у вас нет? – спросил Бугаев.

Джим Джолли пожал плечами:

– Я работал в Чарлстоне на стройках. Когда кризис приостановил строительство, пришлось перейти в пищевую промышленность. Думал, что это вернее: люди могут перестать строить, но не есть.

– А оказалось, что они могут перестать и есть? – усмехнувшись сказал Бугаев. У него был густой бас, и Джолли даже вздрогнул, когда Игнат внезапно громко спросил:

– Бетон замешивать умеете?

– Приходилось.

– Отлично, Джим, отлично! Вы будете бетонщиком. Мне писала Вера Колосова... Если вы будете мне аккомпанировать на вашей гитаре, Джолли, я могу вам продекламировать стихи-сказку о голубоглазой девушке, которая живет далеко-далеко, в полуночном краю. Она похожа на ледяную королеву. – Джим улыбнулся. – Но так как вы не играете, то я продолжаю говорить грубой прозой. Она инженер-строитель. И сейчас строит чудесное здание, в котором из полярного холода будут делать тепло и свет.

– Это тоже похоже на сказку, – сказал Джим.

– Когда вы ближе познакомитесь с нашей страной, вы увидите, что у нас немало таких сказок жизни. Да, так о Вере. Она мне писала, что у нее на стройке не хватает бетонщиков. Разрешите мне отвезти вас в подарок Вере Колосовой.

Джим рассмеялся.

– Боюсь, что она не поблагодарит вас за такой подарок. Я поеду с вами, товарищ Бугаев. Но мне хотелось бы знать, что это за ледяная страна и что это за волшебная фабрика для переработки холода в тепло.

– У нас еще будет время поговорить. Пока я должен предупредить об одном: это страна льда, холода, снежных бурь, мрака. После солнечной Флориды такая страна, быть может, покажется вам адом. Подумайте хорошенько.

– Оттуда идет почта в Америку?

– Ну, разумеется. Там есть и почта, и телеграф, и радио. Джим хлопнул по ладони Бугаева своей ладонью.

– Значит, по рукам. Точка, – закончил Игнат по-русски.

2. Живая карта

Джим с интересом наблюдал маленькую кабину дирижабля. Джолли еще никогда не приходилось летать на дирижаблях. Внизу – койка Бугаева, над ней – подвесная койка Джи-ма с высокой сеткой, как в детских кроватках. Стены обтянуты голубым дерматином с тисненными цветами. Наружная стенка скошена к полу, в стене – низкое, но широкое окно. Занавески. У окна – небольшой столик, застланный белой скатертью, перед столом – два табурета из дюралевых труб. Ничего лишнего. Светло, тепло, пожалуй, даже жарко. Но не душно. На столике работает маленький пропеллер-освежитель. В углу жужжит вентилятор. Как в жаркий день на поле шмели и пчелы. И на фоне этого жужжания приятная музыка – вальс из оперы «Евгений Онегин». Радио... Клонит ко сну. Джим закрывает глаза и видит то густо-синие просторы Мексиканского залива, то гурьевские траулеры... а впереди его ожидает неведомая страна льдов и метелей, которых он не видал никогда в жизни...

Джим встряхнул головой и посмотрел в окно. Степь. Тень дирижабля бежит по земле. Уходит вдаль бесконечная вереница опор высоковольтной передачи. На горизонте блестит озеро, синеют леса. Дирижабль уже несколько дней летит низко над землей. Сколько сменилось картин за эти часы полета! Поля, безводные степи, леса, пустыни и снова ле-

са. Чем дальше на север, тем их становится больше. И всюду – в степях, пустынях, даже в лесах среди длинных широких просек – хлопотливые тракторы, грузовики, краны, деррики, вагонетки, паровозы... Целые полки и батальоны рабочих... День за днем, шаг за шагом люди отвоевывают пустынные пространства, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах... Какое упорство! Какое напряжение! Впереди – первобытная природа, глушь, леса; позади – дороги, поселки, заводы, города. В пустынях Средней Азии Джим видел множество солнечных и ветросиловых установок. Знойное, иссушающее солнце стало давать воду, вода рождает зелень лугов, сады, рощи, тени, прохладу. Не будет ничего удивительного и в том, если из холода они станут добывать тепло.

А дальше, на север, – леса. Сплошные сибирские леса. С ними, пожалуй, борьба труднее, чем с пустынями. Когда летишь над этими лесами, кажется, весь земной шар покрыт ими. Им нет ни начала, ни конца. Миллиарды деревьев заняли необозримые пространства и стоят на страже своих владений.

В небе летит аэроплан, за ним пять планеров на буксире. «Воздушный поезд». Вот один планер отцепился и снижается на лесную поляну. Он несет лесорубам почту, продовольствие... Уже много таких воздушных поездов видел Джим. ...Высоко в небе медленно движется цельнометаллический дирижабль «Циолковский», его моторы не работают.

Он плывет по течению воздушной реки. Бугаев объяснил: «Безмоторный воздушный транспорт».

Радиомузыка кончилась. Стало слышнее шмелиное жужжание судовых пропеллеров и вентиляторов. Началась передача «последних новостей». Но Джим еще плохо понимает русский язык.

Джолли становится скучно. Он идет в кают-компанию.

Бугаев сидит у окна. Ворот белой рубашки расстегнут. На маленьком столе бумага, карандаши. Бугаев держит в руке радиотелефонную трубку, посматривает в окно, задает невидимым собеседникам вопросы, кого-то бранит, быстро записывает ответы.

Бугаев видит Джима, кивает головой и спрашивает:

– Кофе хочешь? – Они уже на «ты».

– Благодарю, я завтракал, – отвечает Джим.

Бугаев познакомил Джима с картой. Вот южная магистральная линия. Она идет от Эльбы до Чарджуя прямо на юг, затем сворачивает на восток – Ташкент, Чирчик, Нарын, Алма-Ата; затем идет на северо-восток – на Иртыш, Бийск, Красноярск, Илим – и оттуда на восток – на Зею, Селенджу, Бурею, Пермскую, Совгавань, берега Тихого океана...

– А вот северная линия: Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск. Выше, севернее этой линии, находятся лишь отдельные станции. Указываю наиболее северные – Тобольск, Вилюйск, Якутск, Алдан, Колыма. А дальше... Дальше белое пятно. Неосвоенная пустыня. Тундра. Тайга. Несметные

спящие богатства.

– Мы ведем на Арктику наступление с юга и штурмуем ее ледоколами со стороны Ледовитого океана. Ведь Арктика – это «мастерская погоды». Метеорологи только тогда смогут безошибочно предсказывать погоду, когда вся Арктика покроется сетью радио- и метеостанций. Арктика – это страна несметных и еще почти не изведанных богатств. Мы только приоткрыли арктический сундук и уже нашли апатиты, железную руду, уголь, графит, нефть, цветные металлы, торф, сланцы и прочее и прочее, притом в таких количествах, которые изменяют все наши представления о мировых запасах полезных ископаемых. А ее бесконечные леса? А неисчислимое количество морского зверя и рыбы полярных морей, рек, озер? А пушные богатства лесов? А бесчисленные стада диких оленей?

Арктика – это страна будущего, а не страна «погибели и ужаса», какой она была и какой еще кажется многим до сих пор.

Арктика... – Бугаев неожиданно замолчал и хрустнул пальцами. – Мы еще не победили до конца эту страну, – сказал он тише. – Ты спросишь почему...

– Холод? Климат?

– Нет, не холод и не климат – главное препятствие. «Сопротивляемость» Арктики заключается в ее просторах, в бездорожье, в том, что она слишком велика.

В борьбе с бездорожьем мы применяем все виды «ору-

жия» – морской и воздушный флот.

Ты, наверно, читал о наших последних ледоколах-гигантах? Им не страшны больше льды. Великий Северный морской путь проложен.

Наши ледоколы взрывают айсберги, ломают лед тяжелыми корпусами, а иногда и растапливают его. Нос ледокола превращается в раскаленный «электроутюг», который расплавляет лед. Это – наше последнее изобретение.

Но этот утюг требует большого расхода энергии.

Источники энергии у нас есть. Арктика богата каменным углем и в особенности лесом. Но мы не идем по линии наименьшего сопротивления. Мы бережем лес и уголь для более ценного использования в химической промышленности. Зато Арктика богата даровой энергией ветра. И мы все более и более используем эту энергию. Полноводные реки Сибири многие месяцы в году скованы льдом. Наши ученые работают над задачей круглогодичного использования энергии этих рек. Сейчас производятся интереснейшие опыты борьбы с образованием льда, замерзанием рек.

Мы взялись вплотную за использование тепловой энергии земли, многочисленных «печей» – сопки Камчатки. Камчатские сопки уже начали давать нам энергию и с каждым годом будут давать все больше. Большое количество энергии мы могли бы перебрасывать с юга, с наших солнечных станций. Но Арктика должна кормить энергией сама себя. И мы решили использовать безграничный источник арктической

энергии – холод. Об этой идее я не буду тебе говорить подробно, ты узнаешь на месте сам.

Смотри на карту. Мы находимся вот здесь – севернее Байкала, недалеко от Ангарской гидроэлектростанции. Там мы оставим дирижабль и пересядем на аэроплан, который понесет нас прямо на север через сплошные лесные массивы. Меня вызывают в новый город, Челюскин, для консультации.

– Там живет и «снежная королева»? – спросил Джим.

– Там и живет. Ты уже заинтересовался ею? Но, предупреждаю, она уже невеста, – смеясь ответил Бугаев.

3. Дорожное приключение

Леса, леса, леса... В кабине самолета тепло. Однообразно гудит мотор. Машину покачивает. Опытный пилот Семенов держит курс прямо на север по сто третьей параллели. Вооруженный русско-английским словарем, Джим медленно читает новый русский роман. Игнат у соседнего окна работает с логарифмической линейкой, что-то записывает.

Неожиданно пилот выключает моторы, самолет качнуло.

Игнат взглянул в окно. Казалось, земля вдруг поднялась дыбом и прыгнула на аэроплан. Самолет снижается крутой спиралью на небольшую поляну.

– Держись! – крикнул Игнат Джиму. Но самолет без толчка уже коснулся земли, пробежал по траве и остановился.

– Только наш Семенов мог так ловко сесть, – восхищенно воскликнул Игнат. Он открыл дверь в кабину летчика. Семенов сидел, откинувшись на спинку кресла. Лицо бледное. Из носа течет кровь. Бортмеханик Доронин уже подает первую помощь – смачивает Семенову спиртом виски, вытирает ватой окровавленные руки и лицо.

– У него, – объяснил Доронин, – произошло кровотечение из носа, головокружение... Как себя чувствуешь, Семенов?

Семенов улыбнулся и ответил хрипловатым голосом:

– Сейчас лучше, но голова еще кружится. Понять не могу, отчего это...

Больного летчика осторожно перенесли в кабину кормового отсека и уложили на полу, на разостланном матрасе, высоко приподняв голову.

Джим посмотрел в окно кабины. Угрюмая, непроходимая стена леса. Впечатлительному Джиму показалось, что темные лиственницы враждебным и торжествующим строем обступили упавшую с неба стальную птицу. Теперь она вместе с людьми была пленницей леса. Кругом – безлюдье, лесные болота на сотни, быть может, тысячи километров. Заблудишься, умрешь от голода прежде, чем доберешься до людей. В аэроплане продуктов питания всего на несколько дней... Больной Семенов... Невеселая картина!

Но Бугаев совершенно спокоен. Он выжимает воду из полотенца своими крепкими руками и кладет компресс на голову Семенова.

– Что приумолк? – спросил Игнат Джима. – Не беспокойся. Мы везде дома. Если лес еще не вполне побежден, то и над нами он уж не властвует больше. Мы сами не выйдем из лесу – нас найдут.

Слышно было, как Доронин работает на аварийном радиоаппарате и затем разговаривает по радиотелефону. Через несколько минут он вернулся.

– Ближайшее селение находится недалеко, в трехстах километрах, ближайший авиапункт – в пятистах, – сказал он. – Но где-то совсем рядом работает радиостанция корабля «Тайга».

– Корабля? – спросил Семенов, приподнимая голову и пытаясь улыбнуться. – Кто из нас болен, ты или я?

– Может быть, я оглох, не расслышал, – развел руками Доронин. – Но неизвестный радист ясно сказал: «Говорит корабль «Тайга». Мы находимся всего в тридцати километрах от вас, прямо на восток. Через два часа пришлем врача, как только вернется «Стрекоза».

– Но ведь прямо на восток тысячи километров сплошного леса, – снова сказал Семенов.

– Я и сам знаю, что кругом лес и до моря далеко. Какими волнами и ветрами занесло сюда корабль?

– Ты бы и спросил об этом, – сказал Игнат.

– И спрашивал. А радист смеется. Приходите, говорит, и сами посмотрите.

– Да, но за два часа пройти лесом тридцать километров невыносимо. Может быть, это мистификация какая, – размышлял вслух Бугаев. – Или это воздушный корабль, перенесший аварию, как и мы.

– С сигналами бедствия не шутят, – почти сердито ответил Доронин.

Время тянулось медленно. На исходе второго часа после аварии «Тайга» сообщала, что «Стрекоза» вылетела и через несколько минут будет на месте. Значит, это не доктор, а аэроплан? И таинственный корабль действительно существует?

Скоро послышался гул мотора. Последние красные лу-

чи солнца осветили серебристую «Стрекозу», показавшуюся над лесом. Это был маленький двухместный аэроплан – геликоптер, имеющий два пропеллера.

«Стрекоза» сделала круг над поляной, выбирая место посадки. Геликоптер почти отвесно опустился рядом с машиной Семенова.

Из кабины вышла немолодая женщина в кожаном пальто с небольшим чемоданом в руке.

Доктор Дубровина осмотрела Семенова и заявила, что его необходимо доставить на аэроплане в больницу. Она оставила лекарства из своей дорожной аптечки, объяснила, как ухаживать за больным, и улетела.

– Алло! – послышался голос из радиорепродуктора. – Говорит авиабаза. Санитарный аэроплан прибыл. Мы можем отправить его к вам. Разложите костры, чтобы он мог найти вас.

Игнат, Джим и Доронин поспешили развести костры по краям поляны. Стояла свежая ночь. Потрескивали сучья. Пахло горящей хвоей и сыростью леса. Костры освещали стену лиственниц, окружавших поляну.

Вдруг Игнат увидел голубой огонек, мелькавший между стволами. В ту же минуту послышался шум аэроплана. Он покругил над поляной и снизился в десятке метров от путников.

– Тоже неплохая посадка, – сказал Доронин одобрительно.

– Если поискать, в этой тайге, оказывается, не так уж мало людей, – удивился Джим.

– Я же тебе говорил, что мы везде дома, – отозвался Игнат.

Летчик вышел из пилотской кабины, осмотрел поляну и покачал головой. Доронин понял его: нелегко сесть, но еще труднее взлететь с этой поляны. Того и гляди – «вмажешь» в дерево и разобьешься.

Подшли из леса люди с фонарями. Один из них был бородатый мужчина лет за пятьдесят, похожий на старого таежного охотника, другой – молодой, почти юноша. Оба они были в кожаных костюмах.

Познакомились. Молодой оказался капитаном, а бородатый – штурманом загадочной «Тайги». Игнату не терпелось разузнать, что же это, наконец, за корабль. Но сначала надо было решить более важные вопросы. Прилетевший летчик предложил доставить Семенова в больницу, вместо Семенова вести аэроплан может другой пилот, но Семенов заявил, что он никому не может доверить свою машину. Он был уверен, что через день-два поправится и полетит дальше. Чтобы не волновать больного, ему не возражали.

С первыми лучами солнца Семенова перенесли в санитарный самолет. Доронин помог осмотреть моторы. Машину оттащили на край поляны. Самолет поднялся, сделал крутой вираж, качнулся и скрылся за лесом. Выровняется ли?.. – с волнением думал Доронин, прислушиваясь к звукам. Но моторы рокотали ровно, звуки удалялись. Скоро самолет стал

виден уже на большой высоте. Сделав полукруг, он взял на юг.

– Добрый путь, товарищ! – крикнул Доронин прочувствованно, словно Семенов мог слышать его.

– Идем, что ли? – сказал Фома.

4. Корабль «Тайга»

Капитан, штурман, Джим и Игнат, попрощавшись с Дорониным, направились в лес.

– Телефонируй нам, если медведи нападут на тебя! – крикнул Игнат, оборачиваясь, и улыбнулся.

– За себя я не боюсь, – ответил Доронин. – В кабине меня не достанут. Да и оружие у меня есть. Однако и вы напоминайте о себе.

Путники углубились в лес. Пахнет багульником, хвоей, землей. Косые лучи солнца освещают кровавые пятна листьев крушины. Капитан поглядывает на компас, но у Фомы Груздева свои компасы: он смотрит на сучья деревьев, на стволы, на траву и идет более уверенно, чем Симаков, вооруженный компасом.

Наконец путники выбрались на большую поляну. Первое, что они здесь увидели, был парящий высоко над лесом воздушный змей необычайной формы. Судя по высоте, это должно было быть огромное сооружение! – что-то вроде разрезанного на две половины вдоль большой оси цилиндра длиной метров в тридцать. По бокам цилиндра – две полукруглые плоскости, обращенные своими закругленными краями назад; под цилиндром – площадка и на ней будка. Позади «змея» – огромный хвост из нескольких воронок, соединенных тросом. На нижней площадке под цилиндром

копошились две человеческие фигуры.

– Оказывается, ваша «Тайга» – воздушный корабль? – сказал Игнат, обращаясь к Симакову.

– Нет, «Тайга» – не воздушный корабль, – возразил капитан. – То, что вы видите, – это только высотная электросиловая установка «Тайги». Наша «Тайга» возит за собой свою летучую электростанцию, привязанную на стальном канате.

– Но что же представляет собой сам корабль? – нетерпеливо спросил Игнат.

– Скоро вы это увидите, – спокойно ответил капитан.

Путники прошли еще немало лесных полян, пока, наконец, вышли на широкую лесную просеку. Эта просека имела необычный вид. Низко спиленные деревья – так низко, что над землей не видно было пней, лежали по обе стороны просеки, как скошенная трава. Над просекой уже далеко позади путников маячил в небе «змей», в конце просеки путники увидели высокую трубу, а затем и огромное черное сооружение, занявшее своей тушей всю просеку и поднимавшееся темной массой вровень с верхушками деревьев. Над корпусом этого сухопутного дредноута виднелись трубы. Средняя труба была шире и едва ли не выше фабричной трубы. Ето и увидели они еще издали. Другие трубы были значительно ниже. Целая паутина оттяжек укрепляла их. На «носу» и «корме» поднимались мачты: очевидно, радиостанция. Ни одна труба не дымилась. В корпусе «корабля» виднелись круглые иллюминаторы.

Путники подходили с кормы и потому не могли определить форму и длину этого необычайного корабля. Казалось, он стоял прямо на земле. И только подойдя вплотную, они смогли осмотреть «Тайгу». Корпус корабля напоминал корпус подводной лодки. Но по размерам это был настоящий корабль в три этажа. На носу возвышалась капитанская рубка с прожектором над ней. Впереди ее, пониже, – три пропеллера, и один пропеллер на корме. Корабль покоился на широких платформах, имеющих колеса-катки, напоминающие катки дорожных трамбовочных машин. Внизу, под иллюминатором, были закрытые люки и выходные двери. Несколько трапов вело на верхнюю палубу.

– Ну вот и сама «Тайга», – сказал Симаков. – Это – вездеход, приспособленный для длительных экспедиций по тайге и тундре при любых климатических условиях и во все времена года. Вы еще успеете подробно ознакомиться с ним, а сейчас идемте завтракать. Все мы достаточно проголодались. Да и отдохнуть не мешает. Мы почти не спали в эту ночь.

Следом за капитаном все поднялись по трапу на палубу. В конце ее Игнат заметил мирно лежащую «Стрекозу». Она занимала совсем немного места и напоминала дремлющее насекомое.

– Как дела, капитан? – услышал Игнат чей-то надтреснутый басок. Возле средней трубы стоял худощавый загорелый молодой человек. Это был механик Алексей Жуков. Руки его были запачканы маслом.

– Все в порядке, – ответил на ходу Симаков. – Вот, гостей привел, будем завтракать. А у тебя как?

– Олл-райт, – ответил Жуков.

– Олл-райт, – повторил Джим и улыбнулся. Гости познакомились с Жуковым.

Все спустились в кают-компанию, находившуюся в среднем этаже, вместительную комнату с высоким потолком. Дорожка из линолеума кремового цвета разделяла комнату на две половины. По обе стороны стояли столы, накрытые чистыми скатертями. На потолке – матовые лампы. В углу – черный диск громкоговорителя. У стены – экран. Между столиками – в дубовых бочонках кусты цветущих олеандров. Все блестело и сверкало чистотой.

– Мне здесь нравится, – сказал Джим. – Вот какие чудеса скрывают непроходимые советские леса!

Женщина в белом халате внесла дымящийся завтрак. Игнат толкнул Джима и тихо сказал:

– Смотри, да ведь это доктор, которая прилетала к нам.

Симаков рассмеялся и сказал, обращаясь к Дубровиной:

– Марианна Ивановна! Наши гости удивляются, что вы сегодня за официантку.

– Мы сами себя обслуживаем, – поздоровавшись с гостями, сказала Дубровина. – Больных у нас нет, времени у меня больше, чем у других, вот я и хозяйничаю. Ешьте хорошенько. Обед будет поздно.

Джим и Игнат послушались доброго совета и плотно по-

завтракали. Насытившись, Игнат обратился к капитану:

– Ну, расскажите мне подробнее о корабле.

5. Изобретатель рассказывает

Перед нашей страной стояла грандиозная задача: до конца открыть Сибирь с ее неисчерпаемыми источниками энергии и природных богатств. Север непроходим. Моря забаррикадированы льдами. Арктика отрезана необозримыми пространствами тундры, тайги, лесов, столь же непроходимых, как льды полярных морей. Льды уже пробиты нашими ледоколами. А леса оставались непроходимыми, потому что у нас не было лесного «ледокола». Настала пора приняться и за леса. На необозримые «вольные» пространства была наложена сетка квадратов – сначала только на карте, и каждый квадрат – каждый километр в этом квадрате – должен был подвергнуться тщательному обследованию: геологическому, геохимическому, ботаническому, гидрологическому. Разве эту задачу можно быстро разрешить лошадиной тягой и пешим хождением? Вопрос о средствах передвижения в тайге требовал быстреешего разрешения. Воздушное сообщение хорошо как средство быстрой связи, но для изыскательских партий, нагруженных всякими инструментами, припасами, образцами руд и прочим, нужно было что-то иное. Необходимо было построить корабль-вездеход, который мог бы легко преодолевать бездорожье, вмещать в себя всю изыскательскую партию, инструменты, запасы продовольствия на долгие месяцы. Корабль, который был бы и «вагоном», и

«домом», и походной лабораторией, весьма прилично оборудованной. И я несколько лет думал о конструкции такого вездехода. Потом мы стали работать изобретательской бригадой на Челябинском заводе.

Десятки проектов были забракованы челябинским комитетом общества изобретателей, несколько – центром. Но, в конце концов, проект был утвержден и средства на постройку отпущены. Еще два года ушли на строительство и опыты. Наш корабль-вездеход родился. Он поступил в ведение уральского филиала Академии наук и академического совета по изучению производительных сил. Этот совет выработал план и маршрут нашей первой, опытной экспедиции. Мы занимаемся изысканием ископаемых, изучаем лесные богатства, попутно делаем просеки, ведем метеозаписи и многое другое. Ежедневно сообщаем по радио рапорты о наших работах.

Оправдывает ли «Тайга» свое назначение? Наше детище, увы, очень и очень несовершенно. Еще много придется внести улучшений, но в основном мы как будто разрешили задачу. Мы можем производить исследования в продолжение всего года, несмотря на морозы, пургу, полярную ночь. Это значит, темпы освоения Севера по крайней мере утраиваются.

Джим захлопал в ладоши.

– Очень хорошо. Олл-райт! – воскликнул он.

Симаков продолжал:

– Нам необходимо было преодолеть две основные трудности. Первая – энергетическая. Чтобы двигать такую махину, как «Тайга», надо иметь двигатели во много тысяч лошадиных сил. Устроить этакий жюльверновский «паровой дом»? Для лесной области, где топливо можно брать на месте, – куда ни шло; но что прикажете делать в голой тундре, где ни деревца, ни кустика, ни травинки? Брать запас угля на несколько месяцев? – Невозможно. Помимо того, что корабль «раздулся» бы во много раз, он стал бы еще тяжелее, а «плавать» ему предстояло по болотам, по грязи, по кочкам. Он увяз бы. Жидкое топливо не намного улучшило бы положение.

– Аккумуляторы? – спросил Игнат.

– Думали и о них. Но даже самые новейшие «электрические консервы» все же не обеспечили бы энергией на много месяцев это стальное чудовище.

И мы решили использовать ветер, создав ветряную станцию. Это – воздушный змей. Он может быть запущен на 500 метров и работает без отказа. В здешних широтах на такой высоте ветер дует неизменно. Но энергии змея недостаточно. И мы поставили воздушные турбины – виндроторы. Они работают не так безотказно, но все же дают нам немало энергии. Наконец... вы видели среднюю трубу огромной высоты? Все ее устройство очень просто. Снаружи никаких подвижных частей. Видна лишь одна башнеобразная цилиндрическая труба вроде дымовой трубы из листового железа. На верхнем конце, на некотором расстоянии, она окружена

коротким цилиндром. Это внешнее кольцо поддерживается снизу очень узкими ребрами. Нижний конец высокой трубы открыт. И вот, под каким бы углом ни дул ветер, результат будет один и тот же: в цилиндрической башне создается вертикальный поток воздуха. Иными словами, постоянно изменяющий свое направление и силу ветер здесь превращается в почти постоянный воздушный поток. Скорость меняется, но направление – вверх по трубе – остается неизменным. У нижнего основания ветряной башни установлена горизонтально лежащая турбина. Такое устройство обеспечивает легкий доступ к машинам, защищенным в то же время от всех влияний непогоды.

– Ну а для чего эти маленькие трубы? – спросил Игнат.

– Принцип их работы также прост. Цилиндр разрезан пополам, и половинки ставятся горизонтально на опорный диск таким образом, что края одной половины заходят за край другой; между ними – промежуток. В эту щель и попадает воздух. Он вертит ротор, ротор приводит в движение динамо.

– И совокупной энергии всех этих установок достаточно для того, чтобы снабдить воздушный корабль энергией?

– И да и нет. Как я сказал, одной высотной станции недостаточно. Внизу же ветер все же дует непостоянно. А в тех случаях, когда «Тайга» идет сплошным лесом, внизу совсем тихо. И нам пришлось призвать на помощь еще одно изобретение – систему «аккумуляторов» для ветряных установок

Уфимцева. В кратких словах, дело сводится к следующему.

Ветер – даровая энергия, которая везде под руками. Но все несчастье в том, что ветер – капризная стихия. Он то дует, то перестает дуть, сила ветра также изменяется беспрерывно. Были предложены сотни, если не тысячи остроумных проектов усовершенствованных ветряков. Но изобретатели, ученые не «смотрели в корень», не ставили перед собой задачи бороться с основным недостатком ветряных двигателей – непостоянством их работы.

Сила ветра, как я уже сказал, меняется часто. Даже на протяжении одной минуты она непостоянная. Как выровнять эти минуты неравенства? Создается аккумулятор, так называемый инерционно-кинетический. Попросту говоря, это – усовершенствованное маховое колесо, в котором развивается сила инерции. Он движется, и потому он «кинетический». В нем использована сила инерции, и потому он «инерционный». Для того чтобы в нем самом было меньше трения и максимум полезного действия, его поместили в особом футляре, из которого выкачан воздух или же который наполнен водородом. Ветер дует – маховик вертится. Ветер перестал дуть, а маховик еще вертится несколько минут, продолжая отдавать запасенную энергию. «Скачущая» на протяжении минут энергия ветра несколько выравнена, а минутные перерывы в подаче энергии устранены.

Но это – лишь начало. В работе ветра бывают не только минутные, но и часовые перерывы, иногда в продолжение

многих часов. Как бороться с этим? Аккумулятором номер второй. Это обычный электрический аккумулятор.

Далее идут перебои в подаче энергии ветра, которые могут длиться днями. И на сцену выступает аккумулятор номер третий. Вы знакомы с электролизером Шмидта? При прохождении электрического тока через подкисленную или щелочную воду вода разлагается на кислород и водород. Электролизер Шмидта, преследующий эту цель, состоит из чугунных пластин с закраинами, свинченных с асбестовыми прокладками в одну целую батарею. Промежутки между пластинами заполнены слабым раствором поташа. Образующиеся при прохождении тока водород и кислород отводятся порознь и собираются в сосудах. Этот электролиз производит та же энергия ветра. Ветряк «в свободные часы» запасает сам для себя газовое горючее, получаемое из воды.

Кислород – «побочный продукт» – идет на различные нужды, водород же служит горючим для газового двигателя с его динамо.

Наконец, имеется еще один резервный, обычный тепловой двигатель, скажем, на нефти, со своей динамо. Но к нему почти никогда не приходится прибегать.

Так была разрешена проблема выравнивания непостоянства энергии ветра. Эти аккумуляторы могут быть применены к ветрякам любой конструкции. Суть изобретения – в комбинированных способах аккумуляирования энергии ветра.

– И ветер тянет «Тайгу» без отказа? – спросил Игнат. Симаков нахмурился.

– Бывают все же заминки, – сказал он как бы нехотя. – Приходится тогда отстаиваться, чтобы запасти энергию в аккумуляторы. Но таких случаев было мало. Ведь у нас по ходу работ бывают длительные остановки, во время которых мы и можем запасть большие количества энергии.

– Итак, проблема энергии более или менее разрешена. А какая была вторая трудность при проектировании вездехода? Механизм передвижения? – спросил Бугаев.

– Да, но с этой проблемой интереснее всего было бы познакомиться, «поплавав» на нашем корабле.

6. Джим осматривает корабль

Игнат отправился в радиорубку справиться о Семенове и Доронине, а Джим занялся осмотром необычайного сухопутного «корабля».

Вдоль всего корпуса шел коридор. Стены и двери коридора – из серого матового металла. На потолке – лампы в кубических стеклянных абажурах, сделанных словно из кусков льда. На полу – линолеум. Чисто, как в больнице. На двери, против кают-компания, – черная блестящая табличка с надписью на русском языке. Джим осторожно приоткрыл дверь. Никого. Большая, как кают-компания, комната в три окна-иллюминатора. Все стены уставлены полками. На них папки, ящики с номерами. Ряды стеллажей, заполненных такими же ящиками. Какой-то склад...

Соседняя каюта – амбулатория. Джим заглядывает и сюда. Стены и мебель сверкают белизной. Хирургический стол. Стекланный шкаф с набором медицинских инструментов. Рентген, кварц и еще какие-то неизвестные Джиму аппараты. Рядом на стене – мраморная распределительная доска с рубильниками и выключателями, амперметрами, вольтметрами. Под стеклянным колпаком – микроскоп. В углу – весы.

«Неплохое медицинское оборудование для такого небольшого экипажа», – думал Джим.

Третья комната – лаборатория. Джим уже смело открыл

дверь, полагая, что никого не застанет.

– Ах, простите... – смущенно говорит он и закрывает дверь. За дверью слышен смех и как будто слова: «Куда же вы? Войдите...» Но он не решается и бредет по коридору дальше, унося мимолетное впечатление: блеск химической посуды и инструментов, образцы минералов на столах и две женские головы, склоненные над микроскопами. Одна – с гладко зачесанными темными волосами, другая – стриженная, золотоволосая. Черная, кажется, постарше; золотая – помоложе, белая, румяная. Кто из них так звонко рассмеялся? Золотая?! И почему смеялась? Наверно, Джим выглядел очень глупо... Вернуться? Нет, нет... И не постучал. Подумают: «Какой невоспитанный!» Теперь он будет осторожней.

Джим перешел на другую сторону коридора и осторожно постучал в дверь, на которой была табличка с надписью «Клуб». «Войдите», – глухо послышалось ему. Он открыл дверь. Комната была пуста. Неужто это та девушка услышала его стук и отозвалась? Почему он так взволнован? Хорошо, что здесь никого нет.

Всю стену занимает экран телевизора. Большой ламповый приемник. В углах комнаты два настольных бильярда с блестящими шарами – шарикоподшипниками. Стекланный шкаф. В нем пинг-понг, шахматы, домино... Ковер во всю комнату. Мягкие кресла. Занавески на иллюминаторах. Красивая люстра. Сидя в этой комнате, трудно представить, что находишься в «непроходимых» сибирских лесах, за тысячи

миль от городов и железных дорог.

В среднем этаже осталась одна неосмотренная каюта – библиотека. Джим направился туда. В библиотеке он застал врача Дубровину. Она извлекала из радиобильдаппарата листы газеты «Правда».

Наконец Джим спустился по трапу в нижний этаж. Здесь находились электрифицированная кухня, машинное отделение, склады провианта, горючего, запасных частей. Здесь же, в отдельной кладовой, Фома хранил шкуры убитых на охоте животных и целую коллекцию ружей, ящики с патронами, охотничьи ножи... Осмотр кончен. Джим поднимается на второй этаж. В коридоре встречает Бугаева.

– Все в порядке, – говорит Игнат. – Наш аэроплан вылетел вперед. Семенов чувствует себя молодцом. Идем на палубу.

7. Пленники огня

К Симакову подошел Фома:

– Гарью пахнет, капитан.

– Я ничего не чувствую, – сказал Симаков, нюхая воздух.

– У меня ноздри старого таежника. Сегодня ветер на юг, а потянет на север, и вы почувствуете, – ответил Фома.

– Ну, что тебя беспокоит? – спросил Симаков. – Наверное, охотники костер развели.

Фома неопределенно закивал головой.

– Все может быть, – ответил он. – А только... не лучше ли нам выбраться отсюда поскорее?

– Ты думаешь, что в тайге пожар? – уже с некоторым беспокойством спросил Симаков.

– Пахнет, да! – за бородатого штурмана ответил Джим, втягивая воздух широкими ноздрями. Почувствовали запах гари и Бугаев и Симаков.

– Пожалуй, ты прав, – сказал капитан. – Надо удирать.

По сучьям деревьев, с лиственницы на лиственницу, прыгали с испуганным писком белки. Их было множество, и все они неслись на север, убегая от пожара. Внизу по просеке мчались три зайца. В стороне, в чаще, показался большой медведь. Он вышел на просеку, встал на задние ноги, понюхал воздух и, вновь тяжело опустившись на передние, поспешно зашагал в лес, с необычайной быстротой поворачи-

вая свое тело.

Над лесом с криком летели стаи птиц. Фома хлопал по бокам своими тяжелыми ручищами и стонал. В нем проснулся охотник. Сколько дичи! Но сейчас не до нее. Приходилось звонить в колокол, созывая всех на авральные работы.

Один за другим на палубе появлялись обитатели «Тайги»: механик Алексей Жуков, геологи – золотистоволосая Анна Фокина и черная, как цыганка, Зинаида Камнева, врач Дубровина, студенты-практиканты – Митя Дудин (Игнат узнает в нем пилота «Стрекозы») и Федя Грицай. Выбежали даже две собаки-лайки, встревоженные колоколом и поднявшейся суматохой. Они возбужденно лаяли с борта на птиц и зверей.

Наконец появился толстяк-радиотехник Гребенщиков. Он сообщил, что со «Змея», высотной электросиловой установки, сообщают о начавшемся пожаре.

– Знаем. Наш Фома пронюхал этот пожар раньше, чем они с неба заметили.

Джим посмотрел на «Змея».

– Им там хорошо, – сказал он. – До них не только огонь, но, пожалуй, и дым не дойдет.

– А если проволока, которой «Змей» привязан к «Тайге», перегорит, что тогда? – возразил Игнат.

– Не так уж страшно, – отозвалась Анна Фокина.

«Это она смеялась», – подумал Джим, услышав голос девушки.

Момент был такой, что не до официальных представле-

ний. Гости познакомились с экипажем немым кивком головы.

– Все полые части «Змея» наполнены водородом, – продолжала Фокина. – «Змей» не упадет; его отнесет за линию пожара.

– Однако ветер на юг, и «Змей» может упасть в пламя, – тревожно сказала Камнева.

– Внимание! – крикнул капитан. – Все по местам. Работу машин на полный ход!

Жуков побежал к своим моторам. Фома стал за штурвал. Капитан Симаков с Игнатом и Джимом отправились к капитанской рубке, под нею сгруппировались остальные.

Загудели моторы. «Тайга», дрогнув всем телом, медленно двинулась вперед. Скоро сухопутный корабль подошел вплотную к стене лиственниц. Дальше идти было некуда. Решено загудели пропеллеры на носу.

– Неужели одной винтовой тягой можно двигать это чудовище? – спросил Игнат.

– На снегу можно, – ответил Симаков. – Здесь же пропеллеры только помогают: «Тайга» движется на колесах, которые вращаются при помощи моторов. Будет время, расскажу подробно. А кое-что и сами увидите.

– Рама! – крикнул он.

Впереди вездехода выдвинулась металлическая рама, укрепленная на низких колесах. Передние концы рамы были соединены тонкой металлической пластинкой. Позади пла-

стины, на некотором расстоянии от нее, проходила металлическая труба. Она шла параллельно пластине и также соединяла своими концами боковые металлические стержни. Все вместе и составляло «раму», напоминающую связанные впереди, но очень широко расставленные оглобли.

– Ток! – продолжал командовать Симаков, наклоняясь к слуховой трубе.

Джим и Игнат увидели, как тонкая металлическая полоса впереди «оглобель» покраснела и накалилась добела. Полоса врезалась в листовницу и прошла сквозь ее ствол с легкостью ножа, разрезающего масло. Соки дерева обратились в пар, вырвавшийся из разреза. Показался дымок. Но в тот же момент из трубы, находившейся за пластиной, через дыры начали вырываться струи пенистой жидкости, облеплявшей место среза. Вспыхивающее пламя тотчас тушилось. Шипение усилилось. Пар и дым покрыли электрический нож.

– Клешни!

Две пары рычагов, оканчивающихся железными клешнями, вынырнули откуда-то снизу. Дудин и Грицай ловко управляли железными руками. Клешни схватили дерево выше среза и отвалили в сторону. «Тайга» подвинулась вперед. Камнева, Фокина, Дубровина помогали Дудину и Грицаю направлять падение деревьев в тех случаях, когда «руки» не успевали вовремя сделать это. «Тайга» ошетибилась механизированными баграми, клешнями, рычагами.

Работа была напряженная, небезопасная, требующая

большой ловкости и сноровки. Капитан время от времени справлялся по радио, с какой быстротой движется пожар. С вышки «Змея» ему сообщали об этом.

– В каком направлении лежит ближайшая граница леса? – спросил капитан змеевиков.

– Перед нами до горизонта сплошной лес, – отвечали со «Змея». Симаков нахмурился.

– Придется послать на разведку Анну, – сказал он.

– На авиетке «Стрекоза»? – спросил Игнат.

Капитан кивнул головой.

– Геолог-авиатор. Я вижу, вы тут универсалы, – сказал Игнат.

– Приходится, – ответил Симаков. – Анечка любит летать.

Он отдал распоряжение.

Через несколько минут «Стрекоза» уже взвилась почти отвесно над вездеходом, взяв курс на север, и скрылась за лесом. Вскоре она вернулась.

Симаков начал подсчитывать, что движется быстрее – «Тайга» или пожар. Судя по тому, как он мотал головой, итоги получались неутешительные.

– Ну, что? – спросил Игнат.

– Пожар нагоняет, – ответил Симаков. – А к вечеру ветер должен усилиться.

Пожар усиливался. Огонь, охватывавший все большее лесное пространство, сам создавал ветер. Он уже гудел по верхушкам деревьев, разнося едкий дым, но искр еще не бы-

ло видно.

Над «Тайгой» затрещала и круто опустилась на палубу «Стрекоза». Возбужденная, раскрасневшаяся Анна Фокина указала кратчайший путь из леса.

День угасал. На небе зажигались первые звезды. Звери уже все пробежали, птицы пролетели.

– Теперь бы тучи, дождик, а небо, как назло, чистое, – ворчал Симаков.

Со «Змея» сообщили, что пожар делает прыжки: поднимающийся ветер переносит горящие сучья, ветки, вызывая новые очаги. Дело принимало нештучный оборот.

Откуда-то вновь появились обезумевшие животные. Разные обитатели леса бежали вперемежку, не обращая внимания друг на друга. Становилось трудно дышать.

– Уложить трубу и роторы! – приказал Симаков.

Высокая труба ветросиловой установки оказалась складной. Она осела, словно провалилась. Роторы были положены набок, как пароходные трубы при прохождении парохода под мостом.

– Остановить моторы воздушной тяги!

Часть моторов затихла. Пропеллеры, покружившись на холостом ходу, остановились. Дудин и Грицай быстро сняли их и уложили внутрь корпуса.

– Дугу!

– Есть дугу! – по-морскому ответил Грицай.

В носовой части сухопутного корабля, над палубой, под-

нялись три металлические дуги, одна выше другой.

– Задраить иллюминаторы!

– Есть задраить иллюминаторы!

Джим и Игнат ожидали, что будет дальше. «Тайга» наполнила корабль перед наступлением циклона. Она готовилась вступить в борьбу с огненной бурей и стихией леса. Лес цепко держал в своих лапах, огонь упорно нагонял корабль.

Симаков глубоко вздохнул. «Тайга» была готова для штурма.

– Дать лесорезы. Полный ход! – раздалась новая команда.

«Тайга» быстро двинулась вперед, как танк в атаку. Накаленный добела резак подкашивал толстые стволы, и они падали в разных направлениях. Деревья, шумя, как морские волны, опускались прямо на «Тайгу», падали на дуги и по ним соскальзывали вниз. Иные падали поперек дороги. «Тайга» переползала, поднимаясь то носом, то кормой, как корабль при килевой качке. Иногда на пути наваливалось столько стволов, что приходилось отступать и снова двигаться, чтобы разбросать их.

– Это уже напоминает борьбу ледокола со льдом, – заметил Игнат.

– Да, но за ледоколом не гонится, по крайней мере, огненный смерч, – заметил Джим.

Совсем стемнело. Несмотря на шум моторов, треск падающих деревьев и шипенье огнетушителей, уже слышался гул наступающего пожара. Потемневшее ночное небо на юге ста-

новились багровым. Мелкие искры пролетали над «Тайгой», как метеоры.

– Сюда может попасть искра, весь этот мусор необходимо убрать, – сказал Игнат.

– Ты прав, – ответил капитан. – Вот тебе и Джиму нашлась подходящая работа.

Джим и Игнат стали сбрасывать с палубы груды сучьев, хвои, шишек.

– Тепленько становится работать, – сказал через некоторое время Игнат, утирая пот с лица и поглядывая на Джима.

Черная фигура негра уже была ярко освещена заревом пожара и казалась бронзовой.

– Да, теплеет, – заметил Джим, также останавливаясь, чтобы передохнуть.

На помощь Джиму и Игнату пришли Фокина и Камнева. Мимо пробежал Грицай и сказал на ходу:

– Скверное дело. Не хватает огнегасительной пены. Запасы истощаются. Дубровина не успевает изготавливать. Кто-нибудь помогите ей.

Анна сбросила охапку мусора за борт и ушла.

В лесу уже было светло и горячо, как в июльский полдень.

– Невеселые дела, Джим, – тихо сказал Игнат. – Пожалуй, спокойней нам было бы продолжать путь на аэроплане. На худой конец из этого ада могут вырваться один-два человека на «Стрекозе».

– Да, пожалуй, вот эти там наверху уцелеют. – Джим по-

казал рукой: высоко над лесом ярко светился «Змей».

– Нет, и там им не сладко, – продолжал он, следя глазами за клубами багрового дыма, поднимавшимися к самому «Змею».

В это время Игнат и Джим работали на корме, возле лебедки, к которой был привязан «Змей».

Прибежал Грицай и начал отдавать трос.

– Змеевики Тестов и Гринев просят поднять их повыше, поджариваются и задыхаются. Они сейчас висят над самым пожаром, – объяснил Грицай.

«Змей» начал медленно подниматься.

Палуба была очищена вовремя. На нее все чаще летели искры и головни. Но работу нельзя было бросать ни на одну минуту: непрерывно накапливались новые обломки, сучья, шишки от деревьев, падающих на дуги и скатывающихся вниз.

Игнат подошел к капитанской рубке.

– Как дела? – спросил он Симакова. – До конца леса далеко?

– Не менее десяти километров, – ответил капитан.

От жары на носу уже трудно было стоять. Позади «Тайги» по стволам и пням скошенных деревьев змеились огоньки. Одно сухое дерево пылало. Пожар разгорался совсем близко от вездехода. Его корпус все более нагревался. Было тяжело дышать. Жар усиливался с каждой минутой. Но ни один человек из всего экипажа, не исключая девушек, не проявлял

паники. Игнат шутил:

– А ты еще боялся, Джим, что окоченеешь от холода на севере. Пожалуй, тут теплее, чем в твоей Флориде.

Джим улыбался, сверкая зубами.

На самой палубе вспыхнула куча хвои, другая, третья... Дудин бегал, заливая пламя огнетушителем.

Пожар трещал, гудел, завывал, свистел. Птицы и звери уже давно опередили «Тайгу». Только одни люди вели последнюю борьбу с пламенем. Они изнемогали. Дудин пустил в ход палубные шланги, но в баке было не так много воды, чтобы ее хватило до конца лесного пути. При этом вода нужна была и для охлаждения моторов и бензиновых баков, которые могли взорваться от нагревания. Змеевики ежеминутно сообщали свои наблюдения. Они уже давно видели границу леса и давали направление. Граница была близка, но сплошное море огня – еще ближе. К счастью, ветер переменялся. Дым и горячий воздух относило в сторону. Иначе все задохнулись бы прежде, чем пожрало бы их пламя.

– Я вижу просвет, – закричал Игнат своим громовым голосом.

Все встрепенулись, посмотрели вперед, но за дымом ничего не было видно. Однако Игнат не ошибся. Всего несколько рядов деревьев отделяло тайгу от границы леса.

Засыпаемые искрами, задыхающиеся, пленники огня продолжали бороться за свою жизнь, сбрасывая с палубы загоравшиеся сучья. Грицай с остатками воды в ведре обегал лю-

дей и окатывал их. От одежды поднимался пар.

Вдруг раздался с кормы крик Дудина:

– Трос. «Змей» зацепился за сук дерева. Стоп. Остановите машину.

Эти слова тотчас же были переданы капитану. Каждый пережил тяжелую секунду внутренней борьбы. Положение для всех было ясным: задержка «Тайги» хотя бы на несколько минут может стоить жизни всем. Спасти возможно, только пожертвовав «Змеем» и змеевиками. Позади на много километров бушевало огненное море. И «Змей» неминуемо упадет в огонь. Но допустить гибель товарищей... никогда. Всем спастись – или погибнуть всем.

– Стоп.

«Тайга» остановилась, как взнузданный конь. Дудин, облив себя остатками воды из ведра, дергал трос, пытаясь освободить его.

«Не задерживайтесь из-за нас. Спасайте вездеход и экипаж», – радировали змеевики.

Капитан только досадливо махнул рукой. Дудин продолжал то накручивать на лебедку, то отпускать трос. Но трос прочно зацепился за сук. Дерево уже пылало внизу. Огни пламени, перебираясь с ветки на ветку, приближались к тросу. Трос разогреется, металл делается мягче и порвется...

Все, забыв о личной безопасности, с волнением следили за работой Дудина. Фома, простучав тяжелыми сапогами по железной палубе, исчез в люке.

– Игнат, есть у тебя револьвер? – спросил Джим.

Игнат дрогнул от этого вопроса и с тревогой посмотрел на Джима. Неужели у него не выдержали нервы и он хочет покончить с собой? Но Джим, преодолевая волнение, улыбнулся. Игнат после короткого колебания передал револьвер Джиму. В ту же минуту из люка поднялся Фома с винтовкой в руках. Ему и Джиму пришла в голову одна и та же мысль. Они начали посылать в сук пулю за пулей. Сук надломился – трос был освобожден. Все вздохнули с облегчением.

А кругом «Тайги» бушевало пламя. Жар становился нестерпимым. Остаться далее на палубе было невозможно. Симаков отдал приказ всем спуститься во внутреннее помещение корабля. Но сам он решил остаться на капитанском мостике.

– Живьем соришь, – возражал Игнат.

Симаков упорствовал.

– Я должен... – Симаков задохнулся от дыма, закашлялся и пошатнулся.

Игнат схватил его своими огромными ручищами, как ребенка, и понес к люку.

В кают-компании Симаков очнулся и вновь попытался выйти на палубу. Игнат сжал руку капитана и строго сказал:

– Сиди, «Тайга» движется вперед и сама выберется из пожара. Осталось каких-нибудь полкилометра.

Анна Фокина уронила голову на стол. Обморок... Джим бросился к ней на помощь. Но что он мог сделать? Поднял

золотоволосую голову девушки, растерянно дул в лицо. Дубровина с белым, как у мертвеца, лицом шатаясь и цепляясь за горячие стены, побежала к аптечке за спиртом. Но возле двери сама упала.

– Однако дело – табак, – проговорил Фома, ни к кому не обращаясь.

– Алло. Вы живы? – телеграфировали змеевики. – «Тайга» находится у края леса. Осталось не более...

– Что такое? Почему он не договорил? – взволновался Симаков и закричал в телефонную трубку: – Тестов! Тестов! Алло! Гринев! Не отвечают. Неужели «Змей» оторвался? Я иду на палубу, – сказал Симаков решительно.

Игнат видел, что на этот раз отговаривать бесполезно.

– погоди. Раньше батьки не лезь в пекло, – загудел Фома, расставляя перед Симаковым руки, – говорю, погоди, а не то стукну. Сиди. Я сейчас...

Фома, переваливаясь, как медведь, вышел и скоро вернулся с кожаным пальто, шлемом и темными очками.

– Вот, надень. Да водой облейся. Полведра я еще сберег.

Симаков быстро оделся. Фома облил его с ног до головы.

– Теперь идем.

Игнат также последовал за ними.

С трудом взобрались по горячей железной лестнице до люка. Фома, надев кожаные рукавицы, открыл люк. Их обдало горячим багровым дымом. Фома быстро захлопнул люк.

– Крышка. Каюк, – сказал он. – Нельзя выходить. Все рав-

но соришь. – И он насильно свел Симакова с лестницы.

Шатаясь, дошли до кают-компаний. Люди сидели и лежали на столах, там было не так жарко, как на накалившемся полу. Молчание, гул моторов, шум пожара...

– Однако как будто посвежело немного, – сказал Фома.

И в тот же момент раздался голос змеевика, несший весть о спасении.

– «Тайга» вышла из пожара. Живы ли вы? Мы живы.

Холодный ветер быстро остуживал стенки «Тайги». Спасены.

8. «Змей» в болоте

«Тайга» остановилась. Все выходят на палубу, усыпанную пеплом и углями. Кое-где еще дымятся полуобгоревшие сушки. Небо хмурое. Сеет дождь, как сквозь сито. Взоры поднимаются вверх. Там, где гордо реял «Змей», пустота. Кругом ночь. Молчание...

– Штурман, механики, по местам! Полный ход! – командует Симаков.

– Нельзя полный ход. Аккумуляторы истощились, – докладывает Дудин.

Симаков хмурится и отдает новую команду:

– Поднять трубу Дюбо и виндроторы.

– Есть поднять Дюбо и виндроторы, – отвечают Гришин и Дудин.

Через несколько минут «Тайга» медленно поворачивается и идет к пожарищу. Огнем проложена в лесу огромная брешь. По краям еще пылают, как факелы, одинокие деревья. «Тайга» движется устало, словно израненное чудовище. Ветер медленно вливает силы в истощенные аккумуляторы. А люди, как неумомимые муравьи, уже хлопочут, убирают палубу от мусора, золы, углей. Вот вспыхнул первый прожектор и залил голубым светом дорогу впереди.

– Симаков! Я лечу на разведку, – говорит Анна Фокина.

Капитан ласково улыбается. Он сам хотел предложить ей

это, но пожалел ее.

– А силы не сдадут в полете? – спрашивает он заботливо.

– После такой бани просто необходимо проветриться.

– Товарищ Фокина, – говорит Джим, – можно и мне с вами лететь?

– Летите, – отвечает Симаков. – Я за тебя, Анна, буду спокойней. Его помощь может понадобиться.

Анна садится за руль, и, послушная ее движениям, изящная «Стрекоза» взмывает вверх и несется над пожарищем. Их обдает теплым воздухом. Доносится запах гари. Джим искоса поглядывает на Анну Фокину. Из-под шлема у нее выбивается золотистая прядь волос и трепещет на зарумянившейся щеке.

«Стрекоза» делает резкий вираж, кружится на месте. Джим заглядывает вниз и видит две вспыхивающие точки голубого света. «Стрекоза» садится на землю. К машине подбегают с карманными электрическими фонарями Тестов и Гринев. Фокина выбегает из кабины и обнимает молодых людей.

– Тестов! Гринев! Живы? – радостно восклицает она.

– Целехоньки.

– А «Змей»?

– И он в порядке. Упали за пожарищем, на болоте. Решили пешком до «Тайги» добраться.

– «Тайга» навстречу идет. А ты что, Тестов, прихрамываешь?

– Ушибся немного.

– Это не дело. Тебе трудно идти. Товарищ Джим! Уступите ему место. Я доставлю его на «Тайгу».

«Стрекоза» улетела.

Спотыкаясь, ежась от дождя и ветра, Джим бредет следом за Гриневым. Свет карманного фонаря освещает впереди обгорелые стволы деревьев, кочки, лужи...

Вдали вспыхнул прожектор «Тайги». Джим вздыхает с облегчением.

9. Лесной экзамен

Все собрались в кают-компании обедать.

Когда утолили первый голод, Симаков сказал:

– Ну, а теперь, товарищи, давайте подведем итоги.

– Оставь, Симаков, – прервал его Игнат. – Нашел время производственное совещание устраивать! Успеешь еще. После такой передряги отдохнуть надо, повеселиться. Вот Джим Джолли нам на гавайской гитаре сыграет. Он ее от самой Флориды таскает и даже в кровати не расстается с ней. Проснется, поиграет и снова уснет.

Джим принес гитару и заиграл, собрав вокруг себя всех обитателей вездехода.

– Ну, а мы с тобой, старик, сядем сюда в уголок и поговорим, если тебе так не терпится, – сказал Игнат. – Пожар показал много...

– Недостатков в конструкции «Тайги», – вставил «старик».

– Скажем, недоделок, – смягчил Игнат. – Первое – электропилка деревьев. Срезать дерево раскаленной добела металлической полосой, конечно, скорее, чем пилой. Но пожарная опасность велика. Ведь мы сами вызвали пожар вокруг «Тайги»...

– У нас не хватило огнегасительной пены.

– Это – не возражение. Вернее, это доказывает то же, о

чем говорю и я. Сколько материалов для изготовления этой самой пены мы должны возить с собой, чтобы подпиливать и гасить деревья на протяжении сотен километров лесного пути! Я думаю, что придется перейти к резке пилами, только усовершенствовать их, довести скорость резки до максимума. Второе. Что больше всего доставило хлопот во время пожара? То, что деревья, сучья, хвоя падали на палубу. Мы сами заготавливали костер на вездеходе. Если бы не было палубы, то, я думаю, вездеход можно было бы сделать таким действительно вездеходом, что он смог бы пробиваться и сквозь пламя.

– Ну, уж это ты перехватил, – сказал Дудин, прислушиваясь к разговору. – Мы изжарились бы внутри «Тайги».

– Ты так думаешь? – обратился к нему Игнат. – Тебе приходилось читать о построении межпланетного корабля? При вылете из земной атмосферы должно происходить такое огромное трение, что оболочка ракеты может расплавиться. И тем не менее люди собираются лететь на ракете, не зажариваясь при этом. Как предполагают они этого достигнуть? Внешнюю оболочку сделают из самого тугоплавкого металла, скажем, из хромовой или марганцовистой стали. Под этой оболочкой – изоляционные слои, асбестовые прокладки, затем внутренняя металлическая стенка и охладители из жидкого кислорода или аммиака. Ракета герметически закрыта. Внутри – баллоны со сжатым или жидким кислородом, аппараты, поглощающие углекислоту. Если бы «Тайга» представ-

ляла собой такую межпланетную ракету, но двигающуюся на колесах, она могла бы совершенно спокойно идти сквозь пламя лесного пожара.

– Но ведь межпланетная ракета пролетает земную атмосферу всего в несколько секунд и попадает в температуру мирового холода, который быстро охлаждает ее, – сказал Гришин.

– Если бы ракета была плохо укрыта от внешнего жара, то и нескольких секунд было бы достаточно, чтобы испепелить и ее, и людей. Разве не сгорают в атмосфере метеориты? Огонь лесного пожара не даст такую высокую температуру. Все дело в металле.

– Больше всего хлопот нам доставила палуба. Хоть она и в уровень с лесом, а сильной воздушной тягой не только сучья, но и деревья на нее забрасывало. Палуба же необходима потому, что на ней установлены все ветросиловые двигатели. Эта труба и роторы очень громоздки. Они добывают энергию ветра, но на ходу, вероятно, создают большое сопротивление и этим самым тормозят движение.

– Все это совершенно верно, – ответил Симаков. – Лесной экзамен «Тайга», конечно, не выдержала. Это очевидно. Мы учтем опыт и подумаем, какие внести изменения. Но на снегу, а его нам ждать недолго, я думаю, наш вездеход так не оскандалится. И тут хороши именно пропеллеры. По легкой снежной дороге их вполне достаточно...

– Это еще тоже вопрос, друг мой! – возразил Игнат. –

Аэросани – не пример. Сани легки, а «Тайга» со всем своим грузом весит, наверно, не меньше хорошего паровоза.

Беседу прервал Джим. Он запел негритянскую песню, в которой веселье, подавленная природная жизнерадостность и страстность его расы пробиваются сквозь тоску печальной исторической судьбы народа.

Это пение было так неожиданно, что даже Симаков забыл мысль, которую хотел высказать. Все сидели молча, как зачарованные.

Довольный произведенным эффектом, заглушая аплодисменты, Джим запел новую песню в таком зажигательном и стремительном темпе, что у слушателей заходили руки и ноги. Фокина первая не удержалась, сорвалась с места и начала танцевать, за нею – Камнева, Дудин, Гришин, Игнат, даже Дубровина. Фома, притопывая своей ножищей, хлопал руками по бедрам и бубнил басом:

– Ну и Джим! Вот так Джим! Это прямо... Джим!..

Поздно вечером, проходя по палубе, Игнат заметил Анну Фокину и Джима возле капитанской рубки.

– Не финики там растут, а фиги, хлопок, миндаль, виноград, лимоны, апельсины, гранаты, персики... – говорил Джим, очевидно, рассказывая о своей родине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.